

ПРУССКАЯ КОДИФИКАЦИЯ 1794 г. КАК ПАМЯТНИК ПРАВА И ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ¹

© 2023 г. В. В. Кизяковский

Акционерное общество «ЦДТ на Ленинском», г. Москва

E-mail: ak169mrka@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.08.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена общему анализу Ландрехта 1794 г. — памятника права, неосновательно, по мнению автора, обойденного вниманием историков-правоведов. Ландрехт уникален по многим характеристикам: беспрецедентному объему, количеству включенных отраслей права, использованным правовым источникам, детальному методу изложения норм, юридической технике и языку, истории создания, ориентированности на применение в судебной практике, малой «жизнестойкости» и др. Объяснить, почему законодательный акт имеет такие характеристики, — задача историка права. Изучение реалий, связанных с этой кодификацией, анализ структуры, институтов и юридической терминологии, наконец, перевод и издание на русском языке восполнят пробел в историко-правовой науке и помогут в решении важнейших для современной правоприменительной практики вопросов, как то: критерии оценки нормативного правового акта (понятность, доступность, применимость, оптимальное сочетание объема, структуры и содержания, соответствие идеологической программе государственной власти, преемственность правовых норм и институтов и др.) и использование правового опыта прошлого в современном законодательном процессе и правоприменении.

Ключевые слова: кодификация, Ландрехт, реформаторы, сословие юристов, судебная практика, Королевство Пруссия, абсолютизм, Просвещение, школа естественного права, единообразное регулирование, казуистический метод, злоупотребление правом.

Цитирование: Кизяковский В. В. Прусская кодификация 1794 г. как памятник права и объект изучения // Государство и право. 2023. № 7. С. 166–173.

DOI: 10.31857/S102694520026687-6

PRUSSIAN CODIFICATION OF 1794 AS A MONUMENT OF LAW AND AN OBJECT OF STUDY²

© 2023 V. V. Kizyakovsky

Joint-stock company “CDT on Leninsky”, Moscow

E-mail: ak169mrka@rambler.ru

Received 10.08.2022

¹ Первое издание было осуществлено после утверждения королем в 1794 г.: Allgemeines Landrecht für die preußischen Staaten von 1794. 2 Teile und Register in 3 Bänden. Berlin, 1794; переиздания в измененных и дополненных редакциях в 1796, 1799, 1803, 1816 гг. Для настоящей статьи и перевода фрагментов акта использован текст современного издания: Allgemeines Landrecht für die Preuschen Staaten von 1794. Textausgabe mit einer Einführung von Hans Hattenhauer. Frankfurt am Main — Berlin, 1970; далее при цитировании этого издания используется сокр.: “Allgemeines Landrecht”. Ландрехт с трехтомным приложением переиздавался в 1996 г.: Allgemeines Landrecht für die preußischen Staaten. Von 1794 [2 Auflage. Decker, Berlin, 1794, 2 Teile und Register in 3 Bänden]. Mit einer Einführung von Hans Hattenhauer und einer Bibliographie von Günther Bernert. 3, erweiterte Auflage. Luchterhand — Neuwied u.a. 1996.

В российской юридической историографии “Allgemeines Landrecht für die Preuschen Staaten von 1794” традиционно именовался «Прусское земское уложение», «Всеобщее земское право». Такие наименования представляются русифицированными: «Ландрехт» — это «право земли», «право провинции»; акт предполагался как субсидиарный к законодательству провинций, хотя он по своему назначению замыслился как единообразный регулятор отношений на всей территории королевства. Точность перевода — в компетенции историков-языковедов. В статье используется наименование «Ландрехт». — *Прим. авт.*

² The first edition was carried out after the approval of the King in 1794: Allgemeines Landrecht für die preußischen Staaten von 1794. 2 Teile und Register in 3 Bänden. Berlin, 1794; reprints in modified and supplemented editions in 1796, 1799, 1803, 1816. For this article

Abstract. The article is devoted to the general analysis of Landrecht of 1794 — a monument of law, which, according to the author, is unfounded, ignored by legal historians. Landrecht is unique in many ways: an unprecedented scope, the number of branches of law included, the legal sources used, the detailed method of presenting the rules, legal technique and language, the history of creation, focus on application in judicial practice, low “viability”, etc. Explain why the legislative act has such characteristics — the task of the historian of law. The study of the realities associated with this codification, the analysis of the structure, institutions and legal terminology, and finally, the translation and publication into Russian will fill the gap in historical and legal science and help in solving the most important issues for modern law enforcement practice, such as: assessment criteria legal act (understandability, accessibility, applicability, optimal combination of volume, structure and content, compliance with the ideological program of state power, continuity of legal norms and institutions, and many others) and the use of the legal experience of the past in the modern legislative process and law enforcement.

Key words: codification, Landrecht, reformers, jurists, jurisprudence, Kingdom of Prussia, absolutism, Enlightenment, school of natural law, uniform regulation, casuistic method, abuse of law.

For citation: Kizyakovskiy, V.V. (2023). Prussian codification of 1794 as a monument of law and an object of study // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 166–173.

«Кодекс не может быть разработан таким образом, чтобы он оставался неизменным даже в течение жизни одного поколения».

Э.Ф. Клейн

Знаковые во всемирной правовой истории явления (правовые памятники, учения, факты правоприменения) общеизвестны, от фрагментов Ветхого Завета и Законов Хаммурапи до Приговора Нюрнбергского Трибунала и Устава ООН. Каждому из них посвящены сотни научных исторических и историко-правовых исследований, обязательные разделы в учебниках и в учебных программах профильных учебных заведений.

К сожалению, к таким памятникам не отнесен Ландрект 1794 г., во многом уникальный законодательный акт. Выдающаяся кодификация на базе римского права, воплотившая немецкий правовой опыт предшествующих столетий, беспричинно, по нашему убеждению, обойдена вниманием в отечественной историко-правовой науке

and the translation of the fragments of the act, the text of the modern edition is used: Allgemeines Landrecht für die Preuschen Staaten von 1794. Textausgabe mit einer Einführung von Hans Hattenhauer. Frankfurt am Main — Berlin, 1970; further, when quoting this publication, the abbreviation is used: “Allgemeines Landrecht”. Landrecht with a three-volume appendix was reprinted in 1996: Allgemeines Landrecht für die preußischen Staaten. Von 1794 [2 Auflage. Decker, Berlin, 1794, 2 Teile und Register in 3 Bänden]. Mit einer Einführung von Hans Hattenhauer und einer Bibliographie von Günther Bernert. 3. erweiterte Auflage. Luchterhand — Neuwied u.a. 1996.

In Russian legal historiography, “Allgemeines Landrecht für die Preuschen Staaten von 1794” was traditionally referred to as “Prussian Zemstvo Code”, “Universal Zemstvo Law”. Such names appear to be Russified: “Landrecht” is “the right of the land”, “the right of the province”; the act was supposed to be subsidiary to the legislation of the provinces, although it was intended for its purpose as a uniform regulator of relations throughout the kingdom. The accuracy of translation is in the competence of historians and linguists. The article uses the name “Landrecht”. — *Author’s note.*

и, соответственно, в учебных программах юридических вузов и факультетов.

Историография исследований, посвященных Ландрехту, обширна и представлена в основном работами немецких правоведов³. Их изначальный апологетический настрой понятен и объясним: кодификация 1794 г. — предмет национальной юридической гордости.

В российской историографии со времен СССР утвердилась оценка «реакционности» этого акта. Полярность оценок вообще свойственна марксистской исторической науке, базирующейся на «классовом подходе» (т.е. выявление «прогрессивности» или «реакционности» рассматриваемого явления с позиций эксплуатируемых трудящихся). «Реакционность» Ландрехта раз и навсегда установил классик марксизма Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» (1877 г.). Это сочинение считалось в советской историко-правовой науке одним из программных трудов диалектического материализма. Энгельс высказался безапелляционно и категорично, как революционер, радикал, бескомпромиссный избличитель феодальных и буржуазных порядков, борец за интересы трудящихся (категоричность свойственна и «классикам», и марксистам вообще), и о проф. К. Дюринге, и о Ландреhte: «Юридические познания г-на Дюринга ограничиваются единственно и исключительно прусским правом, этим кодексом просвещенного патриархального деспотизма, написанным таким языком, словно по этой книге г-н Дюринг учился грамоте, — кодексом, который со своими нравоучительными замечаниями, своей юридической неопределенностью и шаткостью, своими мерами пытки и наказания,

³ См. библиографию работ немецких авторов: Allgemeines Landrecht. S. 41–50.

в виде палочных ударов, **принадлежит еще всецело к дореволюционному времени**⁴.

Поэтому, вероятно, изучение этой кодификации советские и российские правоведы долгие годы интуитивно относили к разряду исследований, которые акад. В.Н. Кудрявцев метко определял как «инициативные разработки с неясными перспективами»⁵. И поэтому, вероятно, не издан относительно объемный перевод, а в современной российской юридической науке нет комплексного исследования этого памятника права, а есть лишь работы об отдельных категориях и институтах, например «злоупотребление правом» (С.И. Денисов⁶, С.Ю. Усольцев⁷ и др.), «договор» (Д.Ю. Полдников⁸), а также краткие «общие характеристики» Ландрехта «по Энгельсу» в учебниках юридических вузов.

Между тем в интересах российской юридической науки исследовать в отношении Ландрехта историю его создания, ввода в действие, правоприменения, структуру и основные институты, наконец, юридический язык и терминологию, сделать их объектами комплексного изучения.

Кодификации права всегда и везде расценивались властью как необходимый стабилизатор общественных порядков и управления в государстве. В Пруссии, государстве, существенно влиявшем на европейскую политику, попытки кодификации предпринимались с начала XVIII в., но успешной стал 1794 г.

В правление Фридриха II Великого (1740–1786) был подготовлен «Проект кодекса законов Фридриха» (*Corpus juris Fridericianum*), или «проект Кокцеи 1751 г.» на основе предписания короля унифицировать законодательство, обеспечить единообразное правосудие; «право должно быть рациональным и понятным по форме и содержанию»⁹, но проект не был введен в действие.

Под влиянием Монтескье Фридрих II в 1749 г. написал «Трактат о причинах введения или отмены законов», в котором, по мнению историков, превратил постулаты философа в законодательную программу королевства: «Совершенный кодекс

(“ein vollkommenes Gesetzbuch”) станет венцом человеческого разума **в сфере искусства управления..., формулировки (должны быть) настолько ясными и точными, чтобы исключить любые споры по поводу толкования...**¹⁰.

Кодификационные работы активизировались лишь спустя почти три десятилетия. «Раздражителем» стало знаменитое «дело мельника Арнольда (1779–1780 гг.)», вызвавшее, по мнению историков, «кризис доверия» между королем и судебной властью: в споре мельника-арендатора и дворянина-землевладельца суды принимали решения в пользу второго, хотя, по мнению короля, эти решения были очевидно несправедливы. Фридрих II обжаловал судебные решения. Судьи отказались удовлетворить жалобы. По результату: король-абсолют сам написал судебное решение в пользу мельника — «в соответствии с прусским конституционным законом» распорядился отстранить от должности и взять под стражу нескольких высокопоставленных судей, да еще и отправил в отставку главу правительства; на место канцлера был назначен министр юстиции Силезии И. фон Кармер. Ему, его помощнику, советнику правительства К.Г. Сварцу и выдающемуся юристу Э.Ф. Клейну Фридрих II поручил в 1780 г. составление проекта «Общего кодекса»; немецкие историки права именуют их «дети Просвещения» (*Kinder der Aufklärung*) и «великие реформаторы» (*Die grossen Reformer*).

Программу кодификации формулировало распоряжение правительства Пруссии (*Kabinettsordre*) от 14 апреля 1780 г. (подготовлено Сварцом, согласовано Фридрихом II, подписано Кармером). Новый акт предполагался как **«вспомогательный кодекс»** (*subsidiarisches Gesetzbuch*), приоритетное значение перед которым имели законы провинций; распоряжение предписывало **одновременную кодификацию законов провинций (земель)**¹¹. На деле реформаторы работали исключительно над **все-прусским кодексом**, будучи убежденными, что он после введения в действие унифицирует законодательство на всем пространстве королевства, получит верховенство над традиционным, «исторически легитимированным» законодательством земель (провинций).

Условно разработку собственно кодификации, которая войдет в историю права как Ландрехт 1794 г., обоснованно разделить **на два периода: «дядин» и «племянника»**. Судьба акта целиком зависела от воли царствующего монарха, поэтому работа над проектом на этапах существенно отличалась, хотя в оба периода реформаторы не имели «социальной

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 114, 115.

⁵ Кудрявцев В.Н. Свобода научного творчества // Государство и право. 2022. № 2. С. 33.

⁶ См.: Денисов С.И. Становление и эволюция категории «злоупотребления правом» в зарубежном законодательстве // Экономика. Социология. Право. 2017. № 2 (16). С. 90–96.

⁷ См.: Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом: историко-теоретическое исследование // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1, ч. 1. С. 112–129.

⁸ См.: Полдников Д.Ю. Институт договора в правовой науке Западной Европы XI – XVIII веков. М., 2013.

⁹ Цит. по: Hattenhauer H. Einfuhrung in die Geschichte des Preussischen Allgemeines Landrechts // Allgemeines Landrecht. S. 11.

¹⁰ Цит. по: Werke Friedrichs der Grossen. Berlin, 1913. Bd. 8. S. 32.

¹¹ Фрагменты распоряжения от 14 апреля 1780 г. цит. по: Hattenhauer H. Op. cit. S. 19–22.

поддержки» и испытывали негативное отношение к реформе со стороны высшего чиновничества и элиты дворянства.

В 1780–1786 гг. (при «инициаторе» Фридрихе II Великом) положение реформаторов было прочным, перспективным; в основе концепции лежали идеи Просвещения; «социальный негатив», а именно противодействие элиты рабочая группа «компенсировала» единством взглядов, работоспособностью и главное — регулярным полемическим общением с монархом. В начале первого этапа (1780–1782 гг.) был издан приведенный «в соответствие с требованиями времени» проект Кокцеи 1751 г., систематизированы законы и судебные решения прусских провинций.

Фридрих II, которому части проекта представлялись на рассмотрение до опубликования, регулярно высказывал свои мнения; так, в марте 1785 г. он сделал знаменитую ремарку (на проекте раздела об имущественных правах): **«Слишком много, законы должны быть краткими, а не обширными»** (*“Es ist aber Sehr Dicke und gesetze müssen kurz und nicht Weitläufig seindt”*). Король выразил мнение, которое являлось определяющим для реформаторов права всех времен: кодификация должна быть небольшого объема.

Смерть Фридриха II стала для прусской элиты спасением от жесткого правления. «Племянник», Фридрих Вильгельм II, по мнению историков, «никогда не понимал дядю», а покойный был невысокого мнения о племяннике. Преемник — немедленно реабилитация судей, попавших в немилость в связи с «делом мельника Арнольда», с материальной компенсацией «пострадавшим».

В 1786–1797 гг. (в правление «племянника», который относился к идее и судьбе кодификации, мягко говоря, «нейтрально») положение реформаторов изменилось из-за «поворота» к сословной идеологии: преемник постановил, что представители сословий тоже должны участвовать в разработке нового свода законов (до этого участие сословной знати в законодательстве ограничивалось работой над провинциальными законами). Для дворянства Пруссии противодействие реформе было фактически борьбой за сохранение привилегий, защитой экономических интересов, тем более на «фоне» французских событий. На втором этапе рабочая группа была лишена прямого контакта с королем.

Тем не менее при «племяннике» был создан и опубликован по частям «Всеобщий кодекс для прусских государств» (*“Das Allgemeine Gesetzbuch für die Preussischen Staaten”*, далее — AGB).

Образцом для AGB стала признанная, традиционно действующая на немецких территориях, «исторически узаконенная» кодификация римского права, соответственно, с учетом «спорных моментов»

и потребностей регулирования тогдашних проблем. Э.Ф. Клейн писал в автобиографии: «Законодательная работа началась всерьез, в соответствии с планом, одобренным великим Фридрихом»¹².

Проект AGB по завершении каждого раздела по частям печатался. При дальнейшем редактировании учитывалось возможно большее количество экспертных заключений и мнений «со стороны». Позднее К.Г. Сварец обоснованно отмечал, что в проекте нет ни одной нормы, которая не подверглась бы неоднократной экспертизе нескольких знающих специалистов с многолетним практическим опытом.

Отзывы на проект поступали различными способами: **как ответы на прямые именные запросы к конкретным экспертам** — известным ученым, судьям, государственным чиновникам; были и отрицательные отзывы (например, прусский государственный деятель доктор юриспруденции И.Г. Шлоссер вообще отрицал возможность полной кодификации и категорически осуждал эту попытку короля)¹³ и **через «конкурс предложений»**, поступающих от правоведов и практикующих юристов. Относительно объема проекта: Сварец в начале кодификационных работ тоже считал краткость основным требованием, однако позже признал — из-за объема поставленных задач — невозможность сокращенного варианта, с чем согласился и Фридрих II. Практические потребности регулирования оказались сильнее мнений короля и стремлений проектантов: слишком велик был перечень отношений, которые подлежали детальному нормативному разрешению в правоприменении, прежде всего в судопроизводстве.

В 1789–1791 гг. реформаторы (в сотрудничестве с юридической комиссией и другими государственными органами) подвели итоги дискуссии и воплотили их в тексте; **AGB был опубликован: патент (разрешение) на публикацию от 20 марта 1791 г. Фридриха Вильгельма II вводил в действие «Всеобщий кодекс для Прусских государств» с 1 июня 1792 г.**

Но король (распоряжением кабинета министров от 18 апреля 1792 г., по ходатайству министра юстиции Силезии) приостановил на неопределенный срок введение AGB в силу. Причина указывалась явно надуманная: якобы «общественность не успела ознакомиться с новым кодексом».

Кодификаторы посчитали это катастрофой, провалом реформы. Судьба кодификации стала зависеть от того, насколько проект представлялся

¹² Klein E. F. Selbstbiographie, hrsg. (herausgegeben) von Max Ludwig Lowe. Berlin, 1810. S. 47.

¹³ См.: Schlosser J. G. Briefe über die gesetzgebung überhaupt und den Entwurf des preussischen gesetzbuchs insbesondere. Frankfurt, 1789.

«безобидным» для традиционного сословного прусского общества. Идеологи кодификации, троица авторов проекта AGB трезво оценивали соотношение сил, реалии существующей в королевстве социальной структуры и в соответствии с ними определяли границы «допустимого» и потому «возможного»; результатом могло быть нечто среднее между революционным и консервативным вариантами текста. В проекте не могло быть неких фундаментальных нововведений, но и не могло быть простого дублирования существовавших законодательных норм.

В «период приостановки» в 1793 г. К.Г. Сварец (в соавторстве с Х. Госслером) издал книгу «Обучение законам для жителей Пруссских государств» с отрывками из проекта — для разъяснения взглядов и намерений группы реформаторов¹⁴. Книга стала своеобразной инструкцией и для профессионалов, и для «населения страны» (*Landesbevölkerung*), «граждан без академического образования»¹⁵.

Кодификация была «спасена» внешнеполитическим фактором: в 1793 г. Пруссия (в результате второго раздела Польши) «получила» огромные территории, которые следовало быстро «пруссифицировать», эффективный механизм — распространение прусского законодательства и основанных на нем судебной и управленческой (полицейской) практики. Для единообразного правоприменения нужен был некий «общепрусский» законодательный акт (парадоксально, но практики-судьи начали повсеместно ссылаться на «приостановленный» AGB). Еще до введения в действие он стал единым общепрусским законодательным актом.

Король принял решение — после «окончательной ревизии» ввести AGB в силу на всей территории королевства.

Задачи «редактирования», которого требовал Фридрих Вильгельм II от реформаторов и на которое отводился срок **шесть недель**, включали два требования: **акт не должен содержать «ничего о политическом устройстве страны»** (решение этих вопросов не относилось к компетенции судов) и **«никаких новых учреждений»**.

Бремя редактирования легло на Сварца; он, за исключением неизбежных поправок, ограничился минимальными изменениями: формулированием общего принципа (Einl.6), статей об «общем благе», о возможности несоблюдения королевских распоряжений, о разрешении споров главы государства и подданных и др. (Einl.77-80).

¹⁴ См.: Svarez C.G., Gossler Chr. Unterricht über die Gesetze für die Einwohner der Preussischen Staaten von zwei Preussischen Rechtsgelehrten. Berlin, 1793.

¹⁵ Цит. по: Hattenhauer H. Op. cit. S. 27, 28.

Реформаторам не удалось отстоять название акта; это был не филологический спор о терминах: для авторов проекта «кодекс» (*Gesetzbuch*) понимался как акт законодателя-короля, обращенный к каждому подданному с повелениями и запретами; напротив, «земское право» (*Landrecht*) было ориентировано на юристов-профессионалов в провинциях, прежде всего на судей и судейских чиновников. Для оправдания нового названия было заявлено, что «Всеобщее земское право» (*Allgemeines Landrecht*) — традиционное, немецкое, а традиционность и нововведения «не дружат», и акт — «ни в коем случае не кодекс для простого человека» (*“keinesfalls ein Gesetzbuch für den gemeinen Mann”*).

«Ревизия» была завершена Сварцом с задержкой в две недели, 4 февраля 1794 г. На следующий день король дал разрешение (подписал патент) на публикацию. **1 июня 1794 г. Ландрехт вступил в силу.**

В окончательной редакции он обоснованно характеризовался историками права как «кодекс компромиссов» (*das Gesetzbuch der Kompromisse*), идеологий Просвещения и сословной.

«Архитектура» кодификации: Ландрехт состоит из **«Введения» (108 статей)**, части первой (**“Erster Theil”**) — **8278 статей**, части второй (**“Zweiter Theil”**) — **10921 статья**; каждая часть подразделяется на **титулы (“Titel”)**, первая — на **23**, вторая — на **20**; некоторые титулы подразделяются (при большом объеме и количестве институтов) на **разделы (“Abschnitt”)**, каждый — с отдельным подзаголовком. **«Введение» и каждый из 43 титулов имеют отдельную нумерацию параграфов-статей, которых всего 19307.**

Принятый **порядок цитирования**: «Введение» — «Einl.» и номер статьи, например «Einl.50»; основной текст: сначала — «часть» (римские цифры I или II), затем «титул» (арабские цифры), «раздел» (при наличии, арабские цифры) и «статья» (арабские цифры), например «II.20.3.100-148» («часть вторая, титул двадцатый («О преступлениях и наказаниях»), раздел третий «Преступления против внешней безопасности государства», статьи 100-148»).

«Введение» (“Einleitung”) составлено из двух подразделов: **«О законах в общем»** (Einl.1-72) и **«Общие принципы права»** (Einl.72-108).

Часть первая Ландрехта по содержанию — моно-отраслевая: статьи каждого из 23 титулов беспрецедентно детально регулируют **гражданско-правовые отношения** в составе основных институтов, а именно: «лица»; «вещи»; «действия»; «волеизъявление»; различные виды договоров; «запрещенные действия» и «ущерб»; «собственность» («приобретение», «владение», «хранение»); «клад» и «брошенные и потерянные вещи»; «звероловство»; «рыболовство»; право собственности на «прирост»

и «приплод»; «опосредованное приобретение имущества»; «правовые основания приобретения имущества», сделки между живущими¹⁶ и «вследствие смерти» («завещания», «кодициллы», «договоры наследования»); приобретение собственности через третьих лиц; «доверенности»; «полезное использование»; «управление чужими вещами и имуществом»; «арест имущества» и опротестование; «предъявление иска на имущество» и «мировое соглашение»; «способы прекращения прав или обязательств»; способы исполнения обязательств; «аннулирование прав и обязательств», «общая собственность» («возникновение», «разделение», «межевание»); «феоды» и «чиншевое право»; «вещные и личные права на чужую собственность» («залог», «удержание», «эмфитевзис», «ограниченные права пользования чужим имуществом»); «разрешение споров между владельцами (земельных) наделов»; «принудительное правосудие» (*“Von Zwangs- und Banngerechtigkeiten”*, I, 23, 1-95) и др.

В соответствии с современной классификацией к гражданскому праву следует отнести и **некоторые фрагменты второй части Ландрехта**: «Об обществах в целом и об объединениях и общинах в частности» (II.6.1-202); семь разделов из титула «О бюргерском сословии» (II.8.8-14.476-2464): «О векселях», «О торговых билетах и ассигнациях», «О посредниках», «О судовладельцах, моряках и фрахтователях», «Об авариях и убытках при морских перевозках», «О страховании», «О ссуде под залог судна».

Часть вторая Ландрехта (в отличие от первой) — комплексная, включает нормы следующих отраслей права (если использовать современную классификацию):

1) **брачно-семейное**, включая регулирование брака (II.1.1-11.1-1131), обоюдные права и обязанности стариков и детей (II.2.1-12.1-773) и «остальных членов семьи» (II.3.1-53), «общие семейные права» (II.4.1-6);

2) **право социального обеспечения** («Об опеке и попечителях», II.18.1-9.1-1007; «О приютах для бедных и других благотворительных обществах», II.19.1-89);

3) **уголовное право** («О преступлениях и наказаниях», II.20.1-16.1-1577);

4) **налоговое право** («О государственных доходах и налоговых правах», II.14.1-85).

Значительное количество норм **части второй** регулируют также **правовое положение религиозных организаций** («О правах и обязанностях церквей и духовных обществ», II.11.1-20.1-1232); **правовое положение сословий и отдельных социальных групп** («О

правах и обязанностях господ и слуг», II.5. 1-208; «О крестьянском сословии», II.7.1-8.1-548; «О сословии городских жителей», II.8.1-15.1-2464; «О правах и обязанностях дворянства», II.9.1-100; «О правах и обязанностях государственных служащих», II.10.1-145; «О правах и обязанностях церквей и духовных обществ», II.11.1-20.1-1232); а также **определяют некоторые государственные функции** («О начальных и высших школах», II.12.1-129; «О правах и обязанностях государства в общем», II.13.1-18; «О правах и прерогативах государства в отношении дорог, рек, портов и морских берегов», II.15.1-5.1-247; «О правах государства на бесхозное имущество и вещи», II.16.1-4.1-480; «О правах и обязанностях государства по особой защите подданных», 17.1-2.1-183).

Структура Ландрехта свидетельствует: в содержании реализована **главная цель короля Фридриха II — унифицировать регулирование всех непубличных отношений через единообразное правоприменение, прежде всего в управлении и в правосудии** (хотя в Ландрехт все же вошли нормы, регулирующие некоторые отношения с участием субъекта — государства).

«Судебной ориентированностью» объясняется многое — и способ подробного формулирования статей (как следствие — огромный объем Ландрехта), и детальное формулирование **принципа обязательности законов** государства (для «всех членов государства независимо от сословия, ранга или пола») и **принципа судопроизводства** (с лишением судей права толкования закона (Einl.22; Einl.46-58) и ориентированностью на мировые соглашения). Насколько успешно Ландрехт соответствовал задачам, которые ему отводились, может дать ответ только анализ прусской судебной практики конца XVIII в.

Принципы права, положенные в основу Ландрехта, каждая из отраслей, в него включенных, каждый институт и даже отдельные нормы заслуживают изучения и разностороннего профессионального анализа — лингвистического, историко-правового, понятийного (например, «злоупотребление правом»), системного — относительно тогдашней прусской структуры действовавшего права.

В Пруссии конца XVIII в. исторически сложившаяся сословная иерархия воспринималась как незыблемый, традиционный, «священный порядок» отношений «господин» — «подданный». Поэтому в окончательном тексте Ландрехта воплотились противоречивые нормы, в которых соседствовали «гражданское общество» и «сословия», «мирно сосуществуют» принципы и нормы несовместимых общественных систем: сословной и буржуазной.

Ландрехт быстро из субсидиарного регулятора превратился в основной. Более того, вступивший (ноябрь 1797 г.) на прусский трон воспитанник

¹⁶ Самый многочисленный по количеству норм институт Ландрехта, I.11.1-9.1-1177. — *Прим. авт.*

К.Г. Свареца Фридрих Вильгельм III приказом от 22 августа 1798 г. запретил дворянам инициировать местные кодификации и препятствовать повсеместному действию Ландрехта, за что удостоился определения «друг кодекса» (*ein Freund des Gesetzbuches*).

Кодификаторам была успешно решена сложная технико-правовая задача языка: Ландрехт — первая кодификация, базирующаяся на римском праве в переводе на немецкий язык. Отказ от «латинизмов» заставил реформаторов формулировать и вводить в текст новые немецкоязычные юридические термины, а поскольку немецкий юридический язык не был достаточно разработан и признан, «адаптация» римских правовых дефиниций на немецкий язык оценивалась правоведами-современниками как выдающееся лингвистическое достижение (например, в ходатайстве перед монархом о приеме Свареца в Прусскую академию наук основным аргументом были его «заслуги перед немецким языком»).

Ландрехт, как и любой законодательный акт, — продукт конкретных обстоятельств определенного исторического момента.

Общераспространенной «претензией» к Ландрехту является «казуистичность», а именно стремление точно урегулировать каждую мыслимую ситуацию (случай). Это стремление породило впечатляющую, уникальную в истории права **детальную разработку норм** (например, договорных форм сделок). Стремление реформаторов сформулировать в тексте варианты разрешения максимального количества ситуаций привело к появлению самой объемной и сложной в применении кодификации права на немецком языке в истории.

В нормах «Введения» провозглашалось **преобладание** — для «достижения общего блага» (*zur Beforderung des gemeinschaftlichen Wohls*) — **интересов государства над интересами личными** в случае возникновения между ними коллизий.

Ландрехт 1794 г. — первый и единственный случай в истории права Нового времени реализованного замысла законодателя — «всеобщая кодификация» (степень успешности — отдельный, оценочный вопрос), объединение **в одном законодательном акте** норм всех отраслей действующего в государстве права — и публичного (с «полицейским»), и частного, включая семейное и наследственное.

Поскольку объект регулирования «необъятен», Ландрехт 1794 г. достался потомкам — практикам и историкам права как реализованный в тексте образец неудачной (но только по критерию «всеобъятности») попытки. Разнообразие и количество жизненных ситуаций неисчислимы, поэтому попытка охватить и урегулировать все случаи (казусы) и варианты общественных отношений

при помощи права не имела перспективы в конце XVIII в. (и что, к слову, стало реальностью через три столетия, в XXI в., при помощи компьютерных «инструментов» и возможностей). Исторический опыт правового регулирования отношений в человеческих обществах позволил изобрести и использовать на практике два основных способа решения проблемы ситуационной множественности — нормативно-правовой и прецедентный.

Относительно оценок кодификации — наряду с негативной наличествуют и положительные: прусского дворянина начала XIX в. («**даже прусский фермер... перестал считать правовую систему таинственным и непонятым заклинанием духов и игрой на везение и стал рассматривать прусское право как надежное, честное и очень достойное.** <...> **С юридической точки зрения Ландрехт был так же важен для нашего народа, как перевод Библии Лютера, на самом деле люди не читают ни Библию, ни кодекс, но ориентируются на обе книги, каждый может к ней обратиться, и такая ситуация желательна для остальной Германии...**»¹⁷) и профессора права, современного издателя Ландрехта: «Высокая степень наглядности имела, кроме всего прочего, и судебно-политический аспект. Кодекс должен был решить проблему переполнения вторичной юридической литературой... Затяжные процессы объяснялись, среди прочего, наличием неурегулированных юридических вопросов. Реформаторы хотели упразднить все эти “детали”, заполнив в процессе как можно больше пробелов...»

Реформаторы понимали, что полного свода законов быть не может. В этом конфликте между требованием постоянных изменений в законах и ограничением полномочий судьи, применяющего закон, было принято следующее решение: учреждение правовой комиссии»¹⁸.

* * *

Представляется, что споры вокруг Ландрехта (о принадлежности к эпохе, виде систематизации и др.), как, впрочем, и в отношении других памятников права, неизбежно возникают из различия оценок объекта «сейчас» и «тогда», взгляда «отсюда» «туда», из современности — на события конца XVIII в. потому, что оценка проводится по критериям, вошедшим в научно-правовой инструментарий значительно позже. С позиций объективности такой оценочный подход не годится: нельзя создателям чего-либо предъявлять претензии, что они не учитывали (не учли) опыт будущего. У кодификатора-законодателя были (в его время) другие

¹⁷ Журнал истории права фонда Савиньи. 1892. № 13. С. 228, 229; пер. по: Allgemeines Landrecht. S. 39.

¹⁸ Hattenhauer H. Op. cit. S. 36.

задачи, и пребывал он (они) в единственном, весьма специфическом, ограниченном многочисленными факторами положении.

Вопрос, важный и для законодателя, и для ученого-правоведа, — **о критериях оценки качества нормативно-правового акта при историко-правовом изучении** — не разработан и вообще крайне деликатен. На примере Ландрехта становится ясно, насколько эта проблема многослойна, сложна, политизирована. Правовой акт как объект для «оценки качества» своеобразен, поэтому методику оценки необходимо применять специфическую.

Любой законодательный акт является неким «средним арифметическим» результатом, «равнодействующей» всех имевшихся на момент его издания факторов. След Ландрехта в истории оказался менее заметным, чем он того заслуживал: его «судьба» была предопределена воплощением «стремительно устаревающих идей» (сословность, вотчинная юрисдикция, преимущество государственных интересов над частными и др.). Эпоха торжествующей буржуазии не терпела Ландрехт, воплотивший идею авторитарного просвещенного абсолютизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Денисов С.И.* Становление и эволюция категории «злоупотребления правом» в зарубежном законодательстве // Экономика. Социология. Право. 2017. № 2 (16). С. 90–96.
2. Журнал истории права фонда Савиньи. 1892. № 13. С. 228, 229.
3. *Кудрявцев В.Н.* Свобода научного творчества // Государство и право. 2022. № 2. С. 33.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 114, 115.
5. *Полдников Д.Ю.* Институт договора в правовой науке Западной Европы XI–XVIII веков. М., 2013.
6. *Усольцев Е.Ю.* Злоупотребление правом: историко-теоретическое исследование // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1, ч. 1. С. 112–129.
7. Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten von 1794. Textausgabe mit einer Einführung von Hans Hattenhauer. Frankfurt am Main – Berlin, 1970. S. 39, 41–50.

8. *Hattenhauer H.* Einführung in die Geschichte des Preussischen Allgemeines Landrechts // Allgemeines Landrecht. S. 11, 19–22, 27, 28, 36.
9. *Klein E.F.* Selbstbiographie, hrsg. (herausgegeben) von Max Ludwig Lowe. Berlin, 1810. S. 47.
10. *Schlosser J.G.* Briefe über die gesetzgebung Überhaupt und den Entwurf des preussischen gesetzbuchs insbesondere. Frankfurt, 1789.
11. *Svarež C.G., Gossler Chr.* Unterricht über die Gesezte für die Einwohner der Preussischen Staaten von zwei Preussischen Rechtsgelehrten. Berlin, 1793.
12. Werke Fridrichs der Grosses. Berlin, 1913. Bd. 8. S. 32.

REFERENCES

1. *Denisov S.I.* Formation and evolution of the category of “abuse of law” in foreign legislation // Economy. Sociology. Law. 2017. No. 2 (16). P. 90–96 (in Russ.).
2. Journal of the History of Law of the Savigny Foundation. 1892. No. 13. P. 228, 229 (in Russ.).
3. *Kudryavtsev V.N.* Freedom of scientific creativity // State and Law. 2022. No. 2. P. 33 (in Russ.).
4. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. 20. P. 114, 115 (in Russ.).
5. *Poldnikov D. Yu.* Institute of Contract in the legal science of Western Europe XI–XVIII centuries. M., 2013 (in Russ.).
6. *Usoltsev E. Yu.* Abuse of law: historical and theoretical research // Ideas and ideals. 2021. Vol. 13. No. 1, part 1. P. 112–129 (in Russ.).
7. Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten von 1794. Textausgabe mit einer Einführung von Hans Hattenhauer. Frankfurt am Main – Berlin, 1970. S. 39, 41–50.
8. *Hattenhauer H.* Einführung in die Geschichte des Preussischen Allgemeines Landrechts // Allgemeines Landrecht. S. 11, 19–22, 27, 28, 36.
9. *Klein E.F.* Selbstbiographie, hrsg. (herausgegeben) von Max Ludwig Lowe. Berlin, 1810. S. 47.
10. *Schlosser J.G.* Briefe über die gesetzgebung Überhaupt und den Entwurf des preussischen gesetzbuchs insbesondere. Frankfurt, 1789.
11. *Svarež C.G., Gossler Chr.* Unterricht über die Gesezte für die Einwohner der Preussischen Staaten von zwei Preussischen Rechtsgelehrten. Berlin, 1793.
12. Werke Fridrichs der Grosses. Berlin, 1913. Bd. 8. S. 32.

Сведения об авторе

КИЗЯКОВСКИЙ Владимир Васильевич — кандидат юридических наук, почетный адвокат России, референт акционерного общества «ЦДТ на Ленинском»; 119526 г. Москва, Ленинский проспект, д. 146

Authors' information

KIZYAKOVSKY Vladimir V. — PhD in Law, Honorary Lawyer of Russia, Referent of the Joint-Stock Company “CDT on Leninsky”; 146 Leninsky Ave., 119526 Moscow, Russia